
Глава 89

Хан Сиэнь отличался склонностью откладывать дела на потом. Хотя рассудок подсказывал, что медлить нельзя и нужно как можно скорее связаться с Цзи Ло, чтобы разом покончить со всеми тревогами, дальше мыслей дело не шло.

Вернувшись из императорского дворца, он окончательно заперся в своем дворике. Навалилась непреодолимая апатия. Кутаясь в теплые одежды, он часами лежал в шезлонге у настёж распахнутого окна и, прикрыв глаза, глубоко вдыхал морозный воздух — словно упивался каким-то изысканным ароматом.

И неважно, спал он на самом деле или просто дремал, никто из слуг не смел подойти и накинуть на него одеяло. К счастью, Хан Сиэнь прекрасно знал, что здоровьем не богатырь, и стоило ему по-настоящему замерзнуть, как он прекращал испытывать тело на прочность.

Личный слуга Хан Сиэня, Ань Цао, глядя на это, шушукался с Юнь Чжи. Мол, у обычных людей бывает весенняя хандра, а их наследник-гэер особенный — впадает в спячку посреди зимы.

После беды, случившейся с Би Хуа, Ань Цао ходил сам не свой. Работу свою он выполнял исправно, но вечная рассеянность не довела бы до добра. Да и остальные служанки во Дворике Душистых Орхидей притихли. Прежний беззаботный смех, звучавший по углам, когда господин не видел, угас.

И теперь, когда Ань Цао впервые за долгое время попытался съязвить в своей прежней манере, Юнь Чжи охотно поддержала разговор:

— Быть может, у нашего господина на душе беспокойно, и он никак не может принять решение.

Ань Цао лишь отмахнулся от ее догадки. Про себя он лениво подумал:

«Наследник... Если выражаться мягко — человек возвышенный и холодный. А если честно — бесчувственный и равнодушный эгоист. И о чем такому горевать?»

Услышав мысленный ропот слуги, Хан Сиэнь, подставив лицо ледяному ветру, лишь усмехнулся.

«А ведь Ань Цао прав. Я действительно черств. Мое сердце высечено из льда, откуда в нем взяться тревогам?»

Люди в этом мире, богатые или бедные, цепляются за жизнь изо всех сил. Он же просто существовал. Наверное, он был единственным, кто воспринимал свое пребывание здесь как

скучную повинность, которую необходимо отбыть.

В этой династии Великая Чжоу он жил уже третью жизнь. Вновь очнувшись в том же теле, Хан Сиэнь долго размышлял, почему судьба раз за разом возвращает его назад, сохраняя все воспоминания. В конце концов он пришел к выводу: в прошлых воплощениях он был слишком эгоистичен.

Тогда он пекся лишь о мести за прежнего владельца тела, не думая о других. Он знал множество тайн, видел чужие беды, но взирал на них с ледяным равнодушием, а в итоге неизменно обрывал свою жизнь сам. Должно быть, Небесам надоело его упрямство, и его заперли в этом бесконечном круге перерождений.

Поэтому на сей раз он твердо решил: сталкиваясь с несправедливостью — вмешиваться, натываясь на тайны — раскрывать их, возвращая истину людям, кем бы они ни были. И самое главное — больше никакого самоубийства. Он проживет эту жизнь ярко, свободно и уйдет лишь тогда, когда пробьет его естественный час.

Сказано — сделано. Пользуясь своим врожденным даром, он вырвал немало гнилых корней у этого государства. Пусть его боялись, пусть проклинали, зато теперь он дышал полной грудью.

Дело, которое предстояло уладить теперь, не было глобальным заговором, но паутина его связей опутывала многих. И хуже всего то, что нити вели к дому Бай. По правде говоря, на судьбы этих людей Хан Сиэню было плевать. Но в семье Бай рос Бай Шу — его главный кредитор. Долг за спасение жизни еще не был выплачен, а Хан Сиэню, возможно, придется нанести по дому Бай сокрушительный удар. Если разразится гроза, Бай Шу как родному сыну Бай Цзюня не уцелеть.

Хан Сиэнь боялся лишь одного: чем дольше висит этот долг, тем сложнее его вернуть. А если набегут проценты кармы, в следующей жизни он снова очнется в этом опостылевшем мире.

Именно поэтому он малодушно прятался в своем укрытии. Однако бесконечно потакать собственной лени нельзя. Пора было встретиться с Цзи Ло и развязать этот узел.

К его досаде, Цзи Ло, которого он столь редко достаивал личным вниманием, от встречи уклонился. Через слугу он передал весьма туманное послание: дескать, сейчас он занят расследованием дела государственной важности и не может никого принимать.

Сам слуга в душе, конечно, ядовито посмеивался. Третий принц круглыми сутками сидел взаперти в кабинете, растрепанный, в помятом халате. Какое уж тут «важное расследование» — его высочество просто пребывал в глубочайшем унынии. Но парень был преданным: скрыв мысли за маской простодушного недоумения, он вежливо намекнул, что гостю лучше прийти в другой раз.

Хан Сиэнь лишь снисходительно усмехнулся. Людей вроде Бай Шу — у которых что на уме, то и

на языке, а на лице все написано крупными буквами — в этом мире, похоже, больше не осталось.

Не став усложнять слуге жизнь, Хан Сиэнь решил, что дело терпит еще пару дней. Он велел Ань Цао разворачивать экипаж.

— Возвращаемся в герцогское поместье? — спросил слуга.

Хан Сиэнь, испытывавший к родному дому лишь глухое отвращение, покачал головой:

— Давай просто проедемся по городу.

Услышав такую непривычную просьбу, Ань Цао удивился, но спорить не посмел. Натянув вожжи, он направил лошадей по шумным столичным улицам.

Когда они проезжали мимо резиденции генерала Бай Вэньхяня, Ань Цао, вспомнив об их долге перед хозяевами дома, неожиданно брякнул:

— Господин, у всех приличных людей перед воротами высечены каменные львы, а у великого генерала Бая — лишь пара простых булыжников.

Поняв, что сморозил глупость, слуга осекся и неловко покашлял.

Из недр кареты донесся негромкий голос:

— Стой.

Ань Цао потянул за вожжи. Хан Сиэнь приподнял занавеску, взглянул на вывеску «Поместье генерала» и вышел на мостовую.

Ань Цао поплелся следом, недоумевая про себя:

«Надо же, какие странные у наследника вкусы. Неужели ему так интересны каменные тумбы?»

Хан Сиэнь постоял у ворот несколько мгновений и уже собирался уходить, когда тяжелые двери распахнулись и на порог вышел сам хозяин — Бай Вэньхянь. Завидев гостя, генерал вздрогнул. Быстро окинув взглядом улицу и убедившись, что за спиной Хан Сиэня нет гвардейцев, пришедших накладывать арест на имущество, он облегченно выдохнул.

— Наследник пожаловал к Бай Шу? — осведомился генерал, пристально разглядывая юношу.

За его вежливым вопросом скрывались совсем иные думы. В последнее время при дворе только и говорили о новом фаворите императора — юноше-гэере, который затмил всю остальную

половину дворца. Шептались, будто этот наложник лицом один в один покойный императорский благородный супруг Ван Ин.

Почти все слуги, заставшие Ван Ина живым, давно канули в небытие. Новые евнухи и служанки не могли знать, как выглядел любимец государя, так что слухи явно распускал кто-то из высокопоставленных обитателей дворца. Вдовствующая императрица и те немногие, кто помнил прежнего фаворита, хранили глухое молчание.

Глядя на Хан Сиэня, Бай Вэньхань невольно вспомнил наброски своего сына Бай Шу и старый портрет благородного супруга, написанный когда-то его собственным отцом. Генерал подумал:

«Пусть новый фаворит трижды похож на Ван Ина, сравнится ли он с Хан Сиэнем в глазах моего сына? К счастью, для всех остальных наследник Хан не имеет ничего общего ни с новым наложником, ни с призраками прошлого».

Хан Сиэнь уловил эти мысли и на мгновение умолк.

— Я пришел поблагодарить его за портрет, — негромко произнес он.

— Вот как, — протянул генерал, не поверив ни единому слову.

Картину сын подарил целую вечность назад. Если бы наследник действительно хотел отблагодарить, сделал бы это раньше. Должно быть, понимая свое шаткое положение и то, что благородные дома избегают его общества, Хан Сиэнь просто цепляется за единственного друга с эксцентричными вкусами.

Пропустив эти рассуждения мимо ушей, юноша спокойно спросил:

— У Бай Шу незаурядный талант. Позвольте узнать, у какого мастера он обучался живописи?

— Ни у кого, — с дежурной улыбкой ответил генерал. — Он с малых лет просто возился с кистями. Сына сейчас нет дома. Не желаете войти и подождать его?

На самом деле приглашать гостя в дом он и не думал.

— Значит, семейное, — задумчиво обронил Хан Сиэнь. Помолчав, он сухо кивнул: — Раз его нет, я поеду.

Он развернулся и легкой походкой направился к экипажу. Бай Вэньхань опешил от такой стремительности. Он никак не ожидал, что этот юноша действительно зашел лишь ради мимолетного вопроса.

Однако, глядя вслед удаляющейся карете, генерал нахмурился. Он знал Хан Сиэня не слишком

хорошо, но понимал: тот никогда не бросает слов на ветер. К чему был этот праздный интерес к талантам его сына? Странно все это.

Покинув поместье Баев, Хан Сиэнь пребывал в относительном спокойствии. Главное он озвучил, а если генерал окажется глух к намекам — что ж, долг перед Бай Шу придется отдавать как-то иначе.

На следующий день Цзи Ло самолично пожаловал с визитом. На лице третьего принца застыло вежливое выражение, хотя в душе он чувствовал себя крайне неловко. Хан Сиэнь встретил его со своим обычным невозмутимым изяществом.

Если бы не крайняя необходимость, Цзи Ло вряд ли решился бы на эту встречу. Накануне он отправился в поместье маркиза Цзинго по делам, но его перехватила старая госпожа Ван. За пустой беседой бабушка недвусмысленно намекнула на возможность его брака с Хан Минчжу. Это привело принца в замешательство. Он не испытывал к кузине никаких чувств, да и связывать себя узами брака не планировал. Однако старая госпожа и слушать не желала о его нежелании жениться. Чтобы пресечь эти разговоры, Цзи Ло решил зайти с другой стороны и сделать тонкий намек старшему брату потенциальной невесты.

Решив не ходить вокруг да около, Цзи Ло опустил глаза к чашке с чаем и небрежно заметил:

— На днях Цзи Юэ жаловался мне, будто его матушка, супруга уездного князя Юна, затеяла поиски невесты и вознамерилась перебрать всех знатных барышень столицы.

Еще тогда, выслушивая сетования кузена, Цзи Ло подумал, что тот составил бы прекрасную партию для Хан Минчжу. Он даже вскользь намекнул на это, отчего Цзи Юэ лишь смутился и поспешил откланяться, не выказав при этом явного протеста. В поместье князя Юна царил мнимый хаос, но на деле супруга князя держала прислугу и наложниц в ежовых рукавицах, не позволяя никому переступить черту. Да и сам князь Юн, несмотря на сомнительную репутацию, в принципиальных вопросах обладал редким здравомыслием.

В своей прошлой жизни Хан Минчжу вышла замуж крайне неудачно, и Цзи Ло искренне желал уберечь ее от этой участи. Цзи Юэ же отличался мягким нравом и имел блестящие перспективы. Единственная сложность заключалась в том, что судьбой Минчжу распоряжались старшие родственники, а значит, без согласия Хан Сиэня было не обойтись.

Хан Сиэнь не умел читать мысли принца, но намек понял мгновенно. Хан Минчжу была обычной благородной девицей своего времени, и ее браком в семье Хань вряд ли кто-то стал бы заниматься с должным усердием, тем более учитывая его собственную дурную славу.

Против кандидатуры Цзи Юэ он ничего не имел, поэтому лишь безучастно уронил:

— Вот как.

Достигнув цели своего визита, Цзи Ло с облегчением откланялся. Он так и не обмолвился о том, зачем Хан Сизнь искал встречи накануне. Тот, в свою очередь, удерживать гостя не стал.

«Пусть бежит от меня, пытаюсь уберечь от беды, — подумал Хан Сизнь, глядя вслед принцу. — Все равно рано или поздно наши пути пересекутся. Парой дней раньше, парой дней позже — не имеет значения».

Однако события приняли неожиданный оборот. На следующий же день в поместье второго принца, Цзи Жуна, поймали лазутчика, вынюхивавшего секреты хозяина. На беду, шпион оказался доверенным человеком из свиты Цзи Ло.

Разразился скандал, и разгневанные братья предстали пред очи императора. Цзи Жун жаждал услышать лишь один ответ: по какому праву третий принц держит его под прицелом своих ищеек?

<http://bllate.org/book/20088/2002051>